В этом году исполняется ровно 100 лет двум российским революциям: февральской и октябрьской. Началом второй буржуазной русской революции принято считать 23 февраля (по старому стилю), 8 марта 1917 года. Началом третьей социалистической революции считается 25 октября (по старому стилю) 7 ноября 1917 года. Исторические парадоксы этих революций начались с их названий: революцию, произошедшую в марте, назвали февральской, а революцию, произошедшую в ноябре, назвали октябрьской, хотя праздновали ее 7 ноября. Все предыдущие даты значимых исторических событий в нашей истории советская историография привела к новому стилю, а две последних революции в названиях почему-то остались по-старому. Формировать свое отношение к отечественному излому истории 1917 года до сих пор представляется трудно разрешимой задачей, как для профессиональных историков, так и для общества. С небольшими упрощениями в подходах к оценке того революционного периода можно, наверное, свести мировоззренческую парадигму к двум вопросам.

– Считать ли революцию благом для страны?

– Считать ли революцию национальной трагедией российского государства?

Вокруг ответов на эти вопросы до сих пор не улеглась пыль от научных и обывательских баталий. Участники последней гражданской войны – «белые» и «красные» – до сих пор воюют друг с другом даже в гробах. Спустя 100 лет российское общество не может прийти к окончательному ответу: явилась ли революция следствием неспособности самодержавия управлять государством либо большевики сумели раскачать самодержавный корабль до критических углов? Или то и другое вместе?

Большинство историков сходятся в одном, что главным ударом по самодержавию были катастрофические неудачи русской армии в Первой Мировой (Великой) войне (1914-1918 гг.). И все же постараемся ответить на главный вопрос: была ли российская революция национальной трагедией?

Что потеряла Россия в результате буржуазной и социалистической революций и последующей гражданской войны, голода и разрухи? По оценкам историков (как советских, так и антисоветских), гражданская война, голод и болезни унесли жизни от восьми до двадцати миллионов человек. Если даже взять средние цифры, допустим, убыль населения составила 14 миллионов наших соотечественников, то результат покажется чудовищным. Страна потеряла около 11 процентов своего населения. Промышленность была разрушена, около двух миллионов человек мигрировали из страны. Не будем забывать, что во время гражданской войны противоборствующие

стороны уничтожали самых талантливых и самых умных своих врагов. По сути дела, гражданская война явилась целенаправленным уничтожением генофонда страны не только физически, но и принудительной высылкой за пределы государства. Российская империя потеряла Финляндию, Польшу, Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию, Молдавию. Страшная разруха привела к обнищанию народа и отбросила страну в своем экономическом и социальном развитии на много-много лет назад. Большевики (коммунисты) объявили войну русской православной церкви, богоборчество включили в свою идеологию. (Как это посчитать? Как учесть не рожденных талантливых ученых, конструкторов, великих мыслителей-гуманистов? Как исправить изломы в мировоззрении и восстановить духовно-нравственные ориентиры? Как закончить эту бесконечную гражданскую войну в наших головах? Разве вышеперечисленное не является национальной трагедией?)

Газета «Вести» предлагает своим читателям увидеть то время глазами одного из самых ярких российских военачальников и руководителей Белого движения Антона Ивановича Деникина. Он является талантливым литератором, мыслителем и свидетелем того смутного времени. В 1926 году, находясь в эмиграции, генерал издал свой фундаментальный труд «Очерки Русской Смуты».

Антон Иванович Деникин родился в 1872 году в Польше в семье отставного майора, в прошлом, крепостного крестьянина. Участвовал в Русско-японской войне (1904-1905 гг.). За храбрость был награжден двумя орденами и получил звание полковника. Во время Первой Мировой войны командовал бригадой, дивизией, находился со своими соединениями в самом пекле боев. Был награжден Георгиевским оружием и двумя Георгиевскими крестами. Затем успешно воевал против Красной армии. В то время председатель Совета народных комиссаров Владимир Ульянов (Ленин) писал: «Все на борьбу с Деникиным!». После эвакуации Белой армии в Крым, генерал Деникин передал командование войсками генералу Врангелю, и в апреле 1920 года эмигрировал во Францию.

Когда началась Великая Отечественная война, немецкое командование предложило «белому» генералу принять участие в борьбе против большевистской России. Антон Иванович Деникин ответил отказом. На свои личные сбережения он купил вагон с медикаментами для нужд Красной армии и через третьи страны по линии «Красного креста» отправил их в Советскую Россию. Поражения Красной армии в начале войны он воспринимал как личную трагедию, но никогда не сомневался, что русская армия разобьет гитлеровцев. Деникин не скрывал своих убеждений, и гитлеровцы установили за ним негласный надзор. После окончания войны бывший лидер Белого движения вместе со своей женой эмигрировал в Соединенные Штаты Америки. На смертном одре он произнес последние слова, вздохнув с сожалением: «Вот, не увижу, как Россия

спасется!».

Антон Иванович Деникин завещал был похороненным в России. Первоначально гроб с телом Деникина был погребен с воинскими почестями на кладбище в Детройте, затем его перезахоронили на православном казачьем Свято-Владимирском кладбище в городке Кесвилл (штат Нью-Джерси). В апреле 2005 года Президент России Владимир Путин подписал Указ о предоставлении российского гражданства 86-летней дочери Великого гражданина России Марине Антоновне. 3 октября 2005 года по поручению Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации останки русского генерала, героя двух войн, одного из лидеров Белого движения в России вместе с останками его жены Ксении Васильевны, а также останками русского философа Ивана Александровича Ильина, писателя и публициста, идеолога Белого движения в эмиграции и его жены Натальи Николаевны (в свое время высланных советской властью) перезахоронили в Москве в некрополе Донского монастыря. Впервые деятелей Белого движения похоронили с почестями в присутствии государственных властей Российской Федерации. Патриарх всея Руси Алексий II заявил: «перенос останков Деникина – не просто перезахоронение известного человека, но символ того, что братоубийственная гражданская война закончилась… Находясь за пределами отечества, они оставались патриотами, искренне сопереживая всему, что происходило на родине. Российская трагедия не помешала им любить свой народ и верить в его будущее».

Ему вторил Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митрополит Лавр (Шкурла) : «Молясь в сегодняшний день о упокоении душ генерала А. И. Деникина и И. А. Ильина, прошу всех помолиться и за их сподвижников, строителей Зарубежной Руси, которые, живя на Родине, боролись за ее свободу, а, оказавшись в рассеянии, всячески сохраняли Россию вне ее пределов и чаяли ее возрождения. Надеюсь, что сегодняшнее событие послужит оздоровлению нашего народа, что постепенно начнут переписывать нашу общую историю, возвещая о ней всю правду, что уйдет монополия ее советского толкования и что мы постепенно вернемся на тот путь, по которому шествовали наши предки, которые воплощали в жизнь наши свято-русские идеалы».

Свой главный литературный труд Антон Иванович Деникин не случайно назвал «Очерки Русской Смуты». Смутное время в России было и раньше. Смута, с точки зрения российской истории, это период с 1598 по 1613 годы, наступивший после смерти двух наследников, сыновей Ивана Грозного Дмитрия и Федора. Царская династия Рюриковичей пресеклась. Существовавшая при Иване Грозном опричнина (тирания и беззаконие) подорвала уважение и доверие к институтам власти. Что создало благоприятную почву для социальных потрясений.

В начале XVII века в России разразился страшный голод, спровоцировавший народные бунты и хаос в управлении государством. Началась Гражданская война. За 15 лет смуты на Руси поменялось пять царей, из них трое были Лжедмитриями, т.е. самозванцами. Но часть русского государства присягала им на верность по очереди. Кроме того, Польша объявила войну России. Первого самозванца Лжедмитрия признал польский король Сигизмунд. Поляки воцарились в Кремле, захватили Смоленск, Северские земли, Новгород, Псков, Моравск, Чернигов, Путивль. В начале ноябре 1612 года ополчение под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского выбили поляков из Москвы. Великий всесловный земский собор 1613 года выбрал нового русского самодержца – Михаила Федоровича Романова. С этого времени считается, что с русской смутой было покончено. Российское государство стояло на краю гибели, и достаточно было совсем небольшой малости, чтобы оно исчезло с лица земли.

Смутное время привело к катастрофическому упадку хозяйства, численность населения сократилась во многих землях в несколько раз. Россия потеряла выход к побережью Балтийского моря, был утрачен Смоленск и ряд других городов.

На преодоление последствий смутного времени потребовалось почти сто лет.

В начале 1917 года ситуация повторилась. В России сменилось два царя, брат пошел против брата, а сын против отца. Голод и разруха, Гражданская война вместе с широкомасштабным террором оставили далеко позади все несчастья и катастрофы, которые выпадали на многострадальную Русь.

Антон Иванович Деникин назвал это психологической аномалией русского народа, означающую склонность к самоуничтожению. Но при этом он искренне верил, что кровавое безумие пройдет, и Россия снова возродится в своей былой славе и величии.

В предисловии к «Очеркам Русской Смуты» он так и написал: «В кровавом тумане русской смуты гибнут люди и сти-раются реальные грани исторических событий.

Поэтому, невзирая на трудность и неполноту работы в беженской обстановке – без

архивов, без материалов и без возможности обмена живым словом с участниками событий, я решил издать свои очерки.

В первой книге говорится, главным образом, о русской армии, с которой неразрывно связана моя жизнь. Вопро-сы политические, социальные, экономические затронуты лишь в той мере, в какой необходимо очертить их влияние на ход борьбы.

Армия в 1917 году сыграла решающую роль в судьбах России. Ее участие в ходе революции, ее жизнь, растление и гибель – должны послужить большим и предостерегаю-щим уроком для новых строителей русской жизни. И не только в борьбе с нынешними поработителями страны. После свержения большевизма, наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа, перед последним с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохра-нении его державного бытия.

Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы, в ожидании ее кон-чины.

Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и в разуме.

А. Деникин.

Брюссель, 1921 год»

Слова российского генерала звучат пророчески.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ

ОЧЕРКИ РУССКОЙ СМУТЫ

Крушение власти и армии

Выпуск Первый

Глава первая

Устои старой власти:

Вера, Царь и Отечество

Неизбежный исторический процесс, завершившийся февральской революцией, привел к крушению русской государственности. Но, если философы, историки, социологи, изучая течение русской жизни, могли предвидеть грядущие потрясения, никто не ожидал, что народная стихия с такой легкостью и быстротой сметет все те устои, на которых покоилась жизнь: верховную власть и пра-вящие классы – без всякой борьбы ушедшие в сторону; интеллигенцию – одаренную, но слабую, беспочвенную, безвольную, вначале

среди беспощадной борьбы сопротив-лявшуюся одними словами, потом покорно подставившую шею под нож победителей; наконец – сильную, с огром-ным историческим прошлым, десятимиллионную армию, развалившуюся в течение 3-4 месяцев.

Последнее явление, впрочем, не было столь неожи-данным, имея страшным и предостерегающим прообразом эпилог маньчжурской войны и последующие события в Москве, Кронштадте и Севастополе... Прожив недели две в Харбине в конце ноября 1905 года и проехав по сибирскому пути в течение 31 дня (декабрь 1907 года) через целый ряд «республик» от Харбина до Петрограда, я составил себе ясное понятие о том, что можно ожидать от разнузданной, лишенной сдерживающих начал солдатской черни. И все тогдашние митинги, резолюции, советы и, вообще, все проявления военного бунта – с большей силой, в несрав-ненно более широком масштабе, но с фотографической точностью повторились в 1917 году.

Следует отметить, что возможность столь быстрого психологического перерождения отнюдь не была присуща одной русской армии. Несомненно, усталость от 3-летней войны сыграла во всех этих явлениях не последнюю роль, в той или другой степени коснувшись всех армий мира и сделав их более восприимчивыми к разлагающим влия-ниям крайних социалистических учений. Осенью 1918 года германские корпуса, оккупировавшие Дон и Малорос-сию, разложились в одну неделю, повторив до известной степени пройденную нами историю митингов, советов, комитетов, свержения офицерского состава, а в некото-рых частях – распродажи военного имущества, лошадей и оружия... Только тогда немцы поняли трагедию русского офицерства. И нашим добровольцам приходилось видеть не раз унижение и горькие слезы немецких офицеров – некогда надменных и бесстрастных.

– Ведь с нами, с русскими, это же самое сделали вы – собственными руками...

– Нет, не мы – наше правительство, – отвечали они.

Зимою 1918 года я, как командующий Добровольче-ской армией, получил предложение от группы германских офицеров, желавших поступить в нашу армию рядовыми добровольцами...

Нельзя также объяснить развал психологией неудач и поражения. Брожение армии испытали и победители: во французских войсках, оккупировавших в начале 1918 года Румынию и Одесский район, во французском флоте, пла-вавшем в Черном море, в английских войсках, прибывших в район Константинополя и в Закавказье, и даже в могучем английском флоте в дни его наивысшего нравственного удовлетворения победой, в дни пленения германского флота – было не совсем благополучно. Войска начали выходить из повиновения начальникам, и только быстрая демобилизация и пополнение свежими, отчасти добро-вольческими, элементами изменили положение.

Каково было состояние русской армии к началу ре-волюции?

Испокон века вся военная идеология наша заключа-лась в известной формуле:

– За веру, царя и отечество.

На ней выросли, воспитались и воспитывали других десятки поколений. Но в народную массу, в солдатскую толщу эти понятия достаточно глубоко не проникали.

Религиозность русского народа, установившаяся за ним веками, к началу 20 столетия несколько пошатнулась. Как народ-богоносец, народ вселенского душевного склада, ве-ликий в своей простоте, правде, смирении, всепрощении – народ поистине христианский терял постепенно свой облик, подпадая под власть утробных, материальных интересов, в которых сам ли научался, его ли научали видеть единс-твенную цель и смысл жизни... Как постепенно терялась связь между народом и его духовными руководителями, в свою очередь оторвавшимися от него и поступившими на службу к правительственной власти, разделяя отчасти ее недуги... Весь этот процесс духовного перерождения русского народа слишком глубок и значителен, чтобы его можно было охватить в рамках этих очерков. Я исхожу лишь из того несомненного факта, что поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви отно-силась довольно равнодушно. Казарма же, отрывая людей от привычных условий быта, от более уравновешенной и устойчивой среды с ее верою и суевериями, не давала вза-мен духовно-нравственного воспитания. В ней этот вопрос занимал совершенно второстепенное место, заслоняясь всецело заботами и требованиями чисто материального, прикладного порядка. Казарменный режим, где все – и христианская мораль, и религиозные беседы, и исполне-ние обрядов – имело характер официальный, обязатель-ный, часто принудительный, не мог создать надлежащего настроения.

Командовавшие частями знают, как трудно бывало разрешение вопроса даже об исправном посещении церкви.

Война ввела в духовную жизнь воинов два новых эле-мента: с одной стороны, моральное огрубение и ожесточе-ние, с другой – как будто несколько углубленное чувство веры, навеянное постоянной смертельной опасностью. Оба эти антипода как-то уживались друг с другом, ибо оба исходили из чисто материальных предпосылок.

Я не хочу обвинять огульно православное военное духовенство. Много представителей его проявили подвиги высокой доблести, мужества и самоотвержения. Но надо признать, что духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск. В этом, конечно, оно нисколько не виновато, ибо в мировой войне, в которую была вовлечена Россия, играли роль чрезвычайно сложные политические и экономические причины, и не было вовсе места для рели-гиозного экстаза. Но вместе с тем духовенству не удалось создать и более прочную связь с войсками. Если офицер-ский корпус все же долгое время боролся за свою коман-дную власть и военный авторитет, то голос пастырей с первых же дней революции замолк, и всякое участие их в жизни войск прекратилось.

Мне невольно приходит на память один эпизод, весьма характерный для тогдашнего настроения военной среды. Один из полков 4-й стрелковой дивизии искусно, любовно, с большим старанием построил возле позиций походную церковь. Первая недели революции... Демагог-поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм – это предрассудок. Поставил самовольно в нем роту, а в алтаре вырыл ровик для…

Я не удивляюсь, что в полку нашелся негодяй-офицер, что начальство было терроризовано и молчало. Но почему 2-3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни?

Как бы то ни было, в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала нача-лом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов.

В общероссийском масштабе православное духовенс-тво также осталось за бортом разбушевавшейся жизни, разделив участь с теми социальными классами, к кото-рым примыкало: высшее – причастное, к сожалению, некоторыми именами (митрополиты Питирим и Макарий, архиепископ Варнава и др.) к распутинскому периоду петроградской истории – с правившей бюрократией; низ-шее – со средней русской интеллигенцией.

Для успокоения религиозной совести русского народа Святейший Синод впоследствии посланием от 9 марта санкционировал совершившийся переворот и призвал «довериться Временному правительству ... чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни...». Но когда жизнь эта стала принимать донельзя уродливые, аморальные формы, духовенство оказалось совершенно бессильным для борьбы: русская революция в первой стадии своей не создала ни одного сколько-нибудь заметного народно-религиозного движения, – хотя бы в таком масштабе, как некогда у лжеучителей Иллиодора и Иннокентия, не выдвинула ни одного яркого имени по-борника поруганной правды и христианской морали. Я не берусь судить о действенном начале в русской православ-ной церкви после пленения ее большевиками. Жизнь цер-кви в советской России покрыта пока непроницаемой для нас завесой. Но процесс духовного возрождения ширится несомненно, а мученический подвиг сотен, тысяч служи-телей церкви, по-видимому, бороздит уснувшую народную совесть и входит в сознание народное творимой легендой.

Царь ?

Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство командного состава было совершенно лояльно по отно-шению к идее монархизма и к личности государя. Позднейшие эволюции старших военачальников-монархистов вызывались чаще карьерными соображениями, малодушием или желанием, надев «личину», удержаться у власти для проведения своих планов. Реже – крушением идеалов, переменой мировоззрения или мотивами государственной целесообразности. Наивно было, например, верить заявле-ниям генерала Брусилова, что он с молодых лет «социалист и республиканец». Он – воспитанный в традициях старой гвардии, близкий к придворным кругам, проникнутый насквозь их мировоззрением, «барин» – по привычкам, вкусам, симпатиям и окружению. Нельзя всю долгую жизнь так лгать себе и другим.

Русское кадровое офицерство в большинстве разделяло монархические убеждения и в массе своей было во всяком случае лояльно.

Несмотря на это, после японской войны, как следст-вие первой революции, офицерский корпус почему-то был взят под особый надзор департамента полиции, и командирам полков периодически присылались черные списки, весь трагизм которых заключался в том, что оспаривать «неблагонадежность» было почти бесполезно, а производить свое, хотя бы негласное, расследование не разрешалось. Мне лично пришлось вести длительную борьбу с киевским штабом по поводу маленьких назначе-ний (командира роты и начальника пулеметной команды) двух офицеров 17-го Архангелогородского полка, которым я командовал до последней войны. Явная несправедли-вость их обхода легла бы тяжелым бременем на совесть и авторитет командира полка, а объяснить ее не представ-лялось возможным. С большим трудом удалось отстоять этих офицеров, и впоследствии оба они пали славною смертью в бою. Эта система сыска создавала нездоровую атмосферу в армии.

Не ограничиваясь этим, Сухомлинов создал еще свою сеть шпионажа (контрразведки), возглавлявшуюся неофи-циально казненным впоследствии за шпионаж в пользу Германии полковником Мясоедовым. В каждом штабе округа учрежден был орган, во главе которого стоял пе-реодетый в штабную форму жандармский офицер. Круг деятельности его официально определялся борьбою с иностранным шпионажем – цель весьма полезная; не-официально – это было типичное воспроизведение арак-чеевских «профостов». Покойный Духонин до войны, будучи еще начальником разведывательного отделения киевского штаба, горько жаловался мне на тяжелую атмо-сферу, внесенную в штабную службу новым органом, ко-торый, официально подчиняясь генерал-квартирмейстеру, фактически держал под подозрением и следил не только за штабом, но и за своими начальниками.

Продолжение следует.